

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

Цена 20 коп.

910.4(98)

159883

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВИЙ
ПО СССР

Г. УШАКОВ

РОБИНЗОНЫ
ОСТРОВА
ВРАНГЕЛЯ

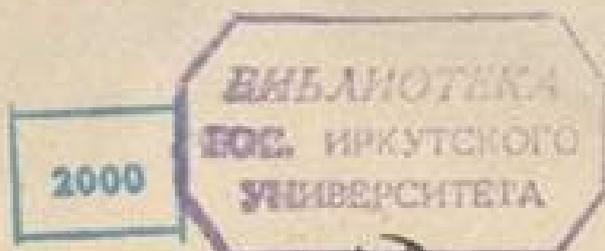
ОСУДАРСТВЕННОЕ 1931

159883 —

Г. УШАКОВ

РОБИНЗОНЫ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ

РИСУНКИ П. СТАРОНОСОВА

16/4722

1931
ГОСУДАРСТВЕННО ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Остров Врангеля находится в двухстах километрах к северу от самой отдаленной окраины Советского союза - берегов Чукотского полуострова. Остров горист, на нем очень скудная растительность, и климат его суров; зима тянется девять месяцев. Страшные морозы и метели свирепствуют на острове в продолжение всей зимы, а летом его окутывают густые туманы. Льды же почти круглый год окружают его, нагромождаясь в огромные ледяные горы—торосы.

В водах, омывающих остров, из морских животных водятся моржи, тюлени и белухи. В летний период можно наблюдать десятки и даже сотни пловучих льдин, покрытых тушами отдыхающих моржей. Часто бывают случаи, когда охотники возвращаются с моря с пустыми руками не потому, что нет зверя, а потому, что его слишком много, и охотники не решаются нападать.

Благодаря своему географическому положению остров Врангеля в последние годы приобрел еще одно важное значение. В связи с непрерывно растущими успехами авиации

и воздухоплавания с каждым днем все более и более укрепляется идея воздушных путей, которые в недалеком будущем, пересекая высокие широты, должны связать Европу с Америкой и Дальним Востоком. Остров Врангеля, лежащий на линии этих путей, должен стать авиобазой.

, Пользуясь тяжелым положением Советского союза в годы гражданской войны, англичане дважды пытались присоединить остров к владениям английского короля. Первая экспедиция, состоявшая всего из пяти человек, кончилась трагически. Членов же последующей, второй экспедиции сняли с острова советские моряки, посланные советским правительством на корабле „Красный октябрь" в 1924 г.

Советская колония на острове Врангеля.

В 1926 г. мне было поручено снарядить колонизационную экспедицию на остров Врангеля и руководить первой советской колонией, на которую возлагалась почетная задача закрепления острова за Советским союзом.

Нас было немного. Я, врач Н. П. Савенко и опытный полярник, учитель И. М. Павлов, Этим и ограничивался состав сотрудников экспедиции. Наши жены, согласившиеся разделить с нами всю тягость жизни за полярным кругом, были первыми европейскими женщинами на острове Врангеля.

Остальную часть колонии составляли девять семей эскимосов с Чукотского полуострова. Слухи об изобилии зверя на острове, дошедшие до них, привлекли их внимание, и они недолго колебались перед тем, как бросить насиженные места в бухте Провидения и на мысе Чаплино. Их было пятьдесят один человек, включая женщин и детей.

1926 год был необычайно благоприятным по состоянию льдов, и уже 8 августа мы вошли в бухту Роджерс, на южном берегу острова. Здесь мы образовали главную базу.

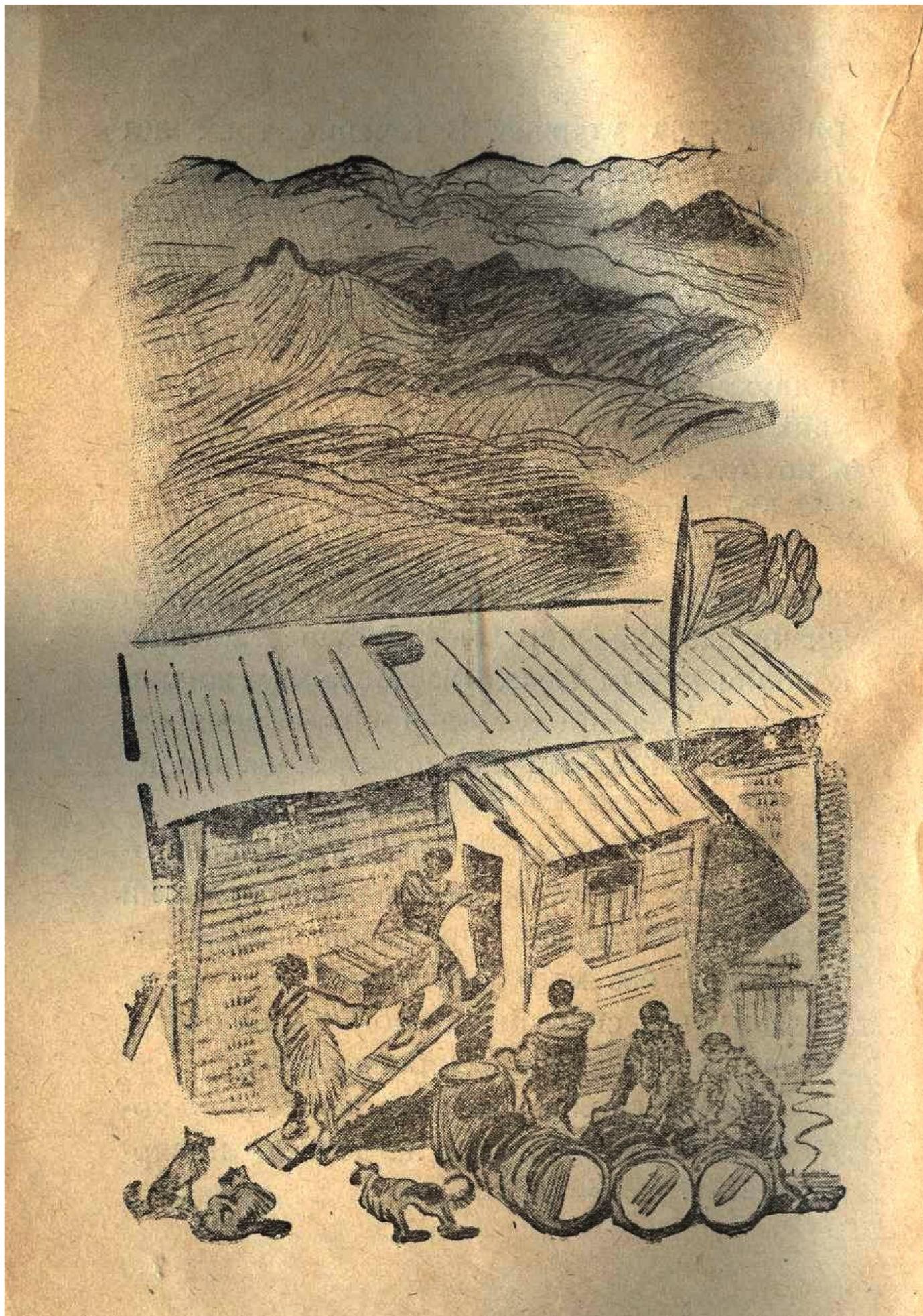
Угрюмо встретил нас остров. Пароход „Ставрополь“, завезший нас, выгрузил продукты и 15 августа 1926 г. покинул остров Врангеля. С этого дня всякая связь с материком была утеряна. В течение трех лет только один раз нас навестили гидропланы. Все эти три года мы были предоставлены самим себе и могли рассчитывать только на свои силы.

Жуткие морозы, непрерывные метели и двухмесячная полярная ночь зимой, туманы летом и льды круглый год вот условия, в которых мы жили, работали и боролись.

Мы вышли победителями из этой борьбы.

Полное незнакомство с необитаемым до нас островом, с его природой и условиями жизни сделали первый год существования колонии самым тяжелым. Постройка жилищ и склада для продуктов и снаряжения заняла первый месяц нашего пребывания на острове.

Не менее важной заботой была заготовка мяса. Колония, имевшая свыше сотни собак и состоявшая преимущественно из эскимосов, без мяса обрекалась на гибель. Поэтому все силы были брошены на охоту. Не один раз приходилось рисковать жизнью, чтобы хоть сколько-нибудь обеспечить колонию моржовым мясом на долгую полярную зиму

Охота за моржами

Северо-восточный ветер густой массой гонит лед вдоль берега. В миле от берега я замечаю льдину с небольшим стадом моржей. Эскимосы тоже видят моржей, но на этот раз они не бегут стремглав к лодкам, а, сбившись в кучу, угрюмо рассматривают море. Оно сегодня не манит охотников.

Резкий ветер поднял на свободных пространствах воды крупную волну. То -и - дело доносится треск ломающихся льдин. Где пять минут назад была свободная вода—теперь плотная масса льдин. Вот почему эскимосы, всегда готовые броситься на моржей, теперь не двигаются с места.

Надежда на одного Иерока. Он энергичный охотник и пользуется славой лучшего рулевого на всем Чукотском побережье. Я отзываю его в сторону.

Иерок, у нас нет мяса.

Да, начальник, у нас нет мяса, соглашается Иерок.

Надо ехать.

Да, надо ехать,

Почему же никто не двигается?

Видишь, как быстро гонит лед, какой плохой ветер! Они боятся.

Но зима без мяса еще страшнее.

Да, начальник, ты прав. Без мяса зима страшна.

А ты поедешь?

С тобой поеду. А если мы скажем— надо ехать, они тоже поедут.

Мы берем оружие и, ни слова не говоря, идем к вельботу. Павлов, слышавший наш разговор, идет вслед за нами. А за ним к нам присоединяются еще пять эскимосов.

Вельбот, подхваченный попутным ветром, под умелой рукой Иерока на полном ходу огибает огромные льдины и, как змея, проскальзывает в узких щелях между ними. Вокруг нас грохот. Приходится кричать, чтобы сосед услышал твои, слова. Льдины то-и-дело сталкиваются друг с другом. Часто их столкновение настолько сильно, что они разлетаются на куски. Одна из них, похожая на гриб, словно обиженная нашим невниманием, с шумом перевертывается позади проскользнувшего вельбота. Несколько мгновений на ее месте огромная бурлящая воронка. Потом появляется высокий ледяной столб, но он недолго задерживается и скоро с треском падает набок, обдавая нас тучей брызг.

Моржи почти у самой кромки льда. Позади них видны пенящиеся гребни волн. Чем ближе мы к ним, тем больше шум, сильнее волнение и быстрее движение льда— больше опасность.

Но нам нужно мясо. Его надо вырвать у грохочущих льдин и пенящихся волн. Иероком овладевает вдохновение. Без рукавиц и без шапки, с развевающимися волосами, он словно прирос к рулю. Каждое движение, малейший поворот руля у него точны. Мы пролетаем в такие щели, где вельбот обоими бортами чуть не чертит о соседние льдины.

Но вот и моржи. Льдину сильно качает, и звери не спят. Они уйдут после первого же выстрела. Надо убить сразу. Даем залп, и два огромных самца остаются нам в награду за риск.

Но это еще не все. Мы находимся в трех милях от колонии и в полутора от берега. Путь обратно в колонию закрыт уплотнившимся льдом, и пытаться пройти туда бес-

полезно. Решили пробиваться прямо к берегу. Свежевать моржей нет времени. Пришвартовываем их к бортам вельбота.

Мы окружены густым * льдом. Парусом пользоваться нельзя. Приходится двигаться вместе со льдом. Каждый шаг с боем. Всем нам ясно наше положение, и поэтому каждый делает все возможное. Время от времени нам удается раздвинуть две соседние льдины и продвинуться на несколько десятков метров к берегу. Вельбот часто сжимается двумя льдинами, и мы с замиранием сердца ждем, что вот-вот он треснет, как орех. Но пришвартованные к бортам туши моржей спасают нас. Они действуют, как хорошие буфера.

Несколько часов упорной борьбы—и мы недалеко от берега.

Вдруг вельбот застревает между двумя льдинами. Раздается треск... К счастью, лопнула только верхняя доска.

Наконец вельбот упирается носом в берег, и мы, голодные, измученные борьбой со льдом, сидим на твердой земле и посматриваем на нашу добычу. Эти две моржовых туши могли стоить жизни восьми человек. Но недостаток мяса зимой поведет к еще большим жертвам. Поэтому мы должны пользоваться каждой возможностью. Должны рисковать.

Но иногда ни риск, ни настойчивость не помогали. Льды держались далеко от острова, и моржей не было. Мрачно мы смотрели тогда на море. Оно было чисто и безжизненно.

Близилась зима долгая, темная, суровая. Мало она обещала хорошего. Мы знали, что зимой мяса не добудешь. В надежде, что нам посчастливится в другом месте, я перебросил однажды троих охотников в бухту Сомнительную, лежащую в тридцати с лишним километрах к западу от бухты Роджерс, где была наша главная база.

Переправляя их с нашей главной базы, я тогда немало беспокоился, так как терял их из виду и не мог прийти им вовремя на помощь, если бы она понадобилась. А теперь рад тому, что решился тогда на этот шаг. В Сомнительной нам неожиданно улыбнулось счастье. Здесь оказалось лежбище моржей, и звери вышли на берег в огромном количестве. Охотники убили тридцать моржей.

4 Октября ударила первая метель, и через два дня установился санный путь. Мы начали поездки по острову.

Некоторую надежду на пополнение наших запасов мяса давала медвежья охота. Но надежда так и осталась надеждой.

Льды с северной стороны острова, где было наибольшее средоточие медведя, были все время в движении. Это значило, что мы не могли там

охотиться ни на собаках, ни на байдаре, ни пешком. Бывали дни, когда мы видели до десяти медведей сразу. Они сидели на густо движущихся льдинах и были для нас недостижимы. Не вытерпев, мы часто бросались на лед, но, приняв несколько холодных ванн, возвращались на берег.

За медвежатиной и золотистыми шкурами

Однажды мы пересекли остров и разбили бивак на северной его стороне. Ночью в двухстах метрах от нашей палатки прошел медведь, Рассмотрев его огромные свежие следы, мы решили посвятить весь день охоте. Направив двух своих спутников в одну сторону, я вместе с эскимосом Таяной пошел в другую.

Мы уже мысленно смаковали свежую медвежатину и поглаживали и оценивали золотисто-белые шкуры.

Уже через полчаса наткнулись на свежий след. Медведь долго шел вдоль берега, но потом круто повернул в море. Посоветовавшись, пошли за ним.

Таяна заботливо предупредил меня, чтоб я не ступал на след медведя, а то „он узнает, что мы идем за ним, и уйдет“.

Я не стал перечить. Но и эта „предосторожность“ не помогла. Через десять минут мы подошли к большой перемычке из только что образовавшегося льда. Он был еще темный и легко пробивался палкой.

С грустью проследили мы, насколько хватал взгляд, след зверя и молча повернули обратно.

И так три раза!

Стоило нам направиться по следу, как уже через десять-пятнадцать минут нас останавливала полоса молодого льда или открытая полынья. Разочарованные, уставшие, мы сидели на берегу и, молча посасывая трубки, смотрели на лед.

Вдруг я заметил, как одна из льдин изменила свою форму. Вглядевшись, я увидел у ее подножья бледножелтое пятно. Скоро это пятно вытянулось и поднялось рядом со льдиной.

— Медведь! — крикнул я, хватаясь за бинокль.— Два... три...—дополнял я шопотом, хотя звери были от нас на расстоянии метров пятисот.

Это была медведица с двумя пестунами. Сама она стояла на задних лапах и обнюхивала высокую торосистую льдину.

Стрелять было далеко, и мы сунув в карманы горящие трубки и подхватив винчестеры, бросились к зверям.

Через пять минут я уже провалился и по плечи окунулся в холодную воду, тщетно пытаясь достать ногами дно. Быстрое течение тянуло под лед, и я с трудом боролся с ним. Таяна помог мне выбраться из „ванны“, но сам поскользнулся и бухнулся в воду. Однако он успел выхватить нож и, по рукоятку воткнув его в лед, легко держал-

СЯ, пока я не подоспел на помощь. Вытащив его из воды, я тут же опять провалился сам...

В течение каких-нибудь двадцати минут я успел принять пять ванн, а Таяна—четыре. Наши меховые одежды совершенно промокли и так увеличились в весе, что молодой лед совершенно отказывался нас держать. А старые крепкие льдины, как на зло, попадались очень редко.

Но в полукилометре от нас до полтонны мяса и три пушистых шкуры! Все это наше. Бросить? Да это же самая необоснованная расточительность! Не будь знаком нам охотничий азарт — тогда другое дело. Нет» оставить было невозможно. Мяса! Мяса!

Гарпунный ремень опоясывает мою талию, и я, без слов поняв намерение Таяны, ложусь на лед и ползу к старой, крепкой льдине. Укрепившись на ней, я перетягиваю Таяну, привязанного к другому концу ремня. При таком способе передвижения мы захватываем во много раз большую площадь и избавляемся от ванн. Медленно, но верно.

Звери заметили разыгрываемую нами пантомиму, но наблюдать ее ближе не по-

желали. Они зашли с подветренной стороны, забрались на высокую льдину и, вытянувшись на задних лапах, в течение нескольких минут ловили носом ветерок, дувший с нашей стороны. Потом они не спеша пошли в море.

А нам осталось только вернуться на берег и выжимать воду из своих одежд.

Только ночью, измученные, мы с трудом добрались до бивака. Наши одежды превратились в ледяные панцири и при резких движениях ломались. Все тело ныло от мучительной боли.

Первая жертва

Солнце с каждым днем все меньше и меньше задерживалось над горизонтом. 23 ноября показался только верхний край диска. Все небо горело. Вода казалась черной вороненой сталью. Снег переливался розовыми, оранжевыми, синими и фиолетовыми цветами.

На следующий день солнце уже не показалось. Скоро поблекли все краски. Весь

Ландшафт посерел, словно кто-то его посыпал пеплом. Началась полярная ночь. Она была первой и самой трудной в жизни колонии.

Морозы доходили до 60°С. Жестокие непрерывные метели и отсутствие солнца часто делали невозможными сколько-нибудь отдаленные поездки. Запасы мяса быстро стали уменьшаться. Собак начали кормить вареным рисом и потеряли их почти половину.

Скоро начались заболевания и среди людей. В большей или меньшей степени переболела вся колония. С каждым днем настроение колонистов падало. 15 января 1927 г. круп вырвал из среды колонистов первую жертву: умер самый опытный, преданный и энергичный эскимос Иерок.

Когда я вошел в юрту, Иерок лежал, укутанный в меха, и бредил. Вместо дыхания у него вырывалось хрипенье; в груди клокотало.

Я понял, что старик не перенесет этой болезни. Конец его близок. Больно сжалось сердце. В моей памяти пронеслись моменты, проведенные с ним. Вспомнилось, как он в темную бурную ночь собрал всех охотников и отправился на поиски меня, Таяны и Анакулы... Вспомнилась его маленькая приземистая фигура, освещенная светом костра, когда он стал на мою сторону и горячо выступал против суеверий своих сородичей... Яркими картинками пронеслись сцены на совместной охоте и длинные вечера в палатке, проведенные вместе.

Всегда бодрый, веселый, смелый, готовый каждую минуту прийти на помощь товарищу и заражавший всех своей энергией, теперь он был больной и беспомощный.

Я терял человека, который понимал меня, был незаменимым товарищем, с которым крепко сроднили пять месяцев совместной жизни и борьбы.

С тяжелой болью в сердце я вышел из юрты.

У входа стоял Кивьяна. За последние дни он заметно похудел и загрустил.

- Плохо, плохо... - проговорил он.

Я знал, что его гложет. Он боялся не только за Иерока, но и за себя. Дело в том, что раньше, когда заходил разговор о расселении по острову, он всегда заявлял: Куда Иерок, туда и я.

Теперь старик на пути, пуститься по

которому Кивьяне совсем не хочется. И суеверный страх давит его душу.

Побродив по берегу я пошел домой и взял книгу. Но сегодня не читалось. На душе было беспокойно.

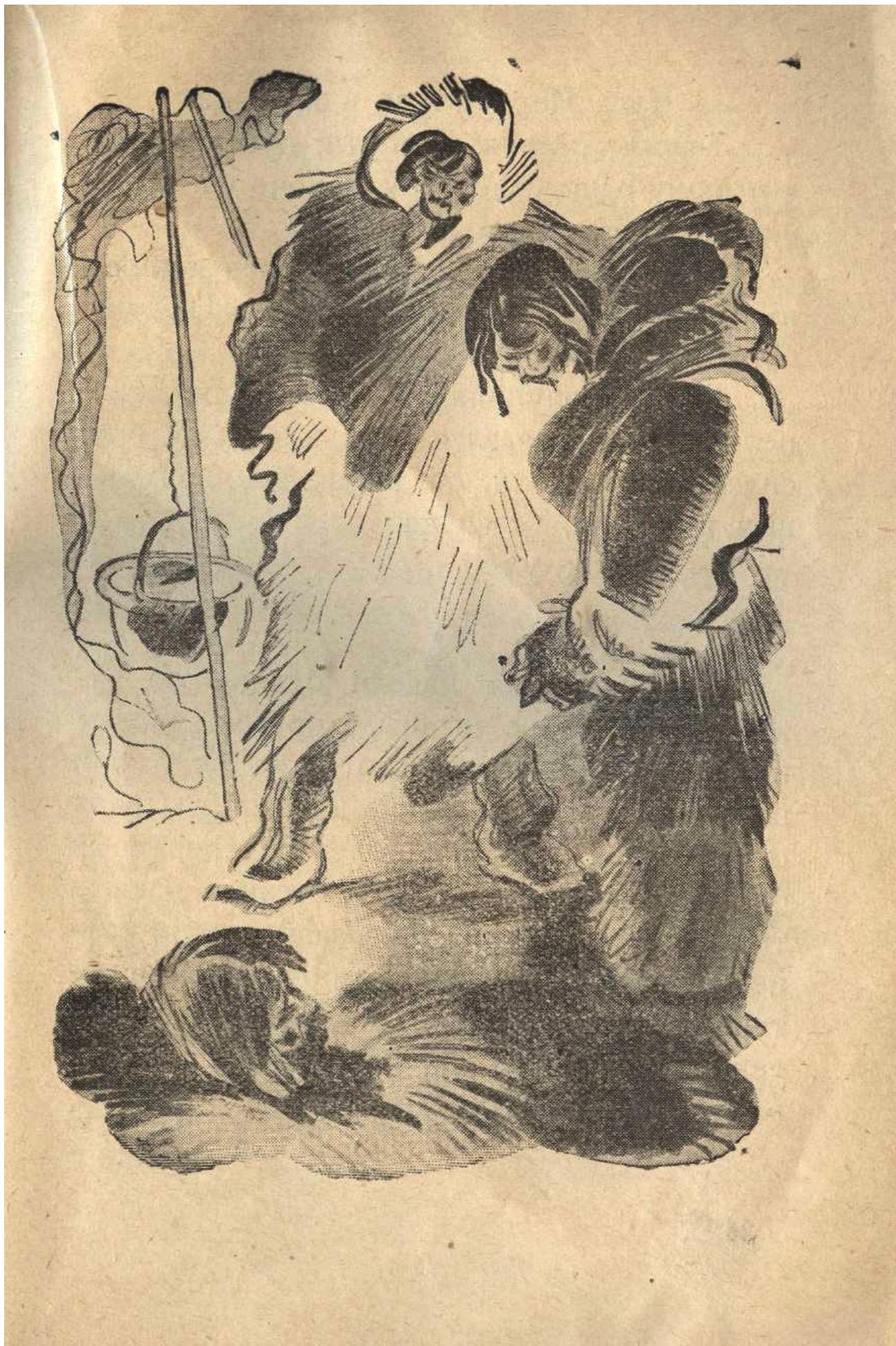
Около полуночи под окном проскрипели шаги и раздался стук в дверь. Я бросился навстречу и, столкнувшись с Павловым в дверях, услышал:

Иерок умер...

На покойника надели будничную кухлянку, такие же штаны, торбаза, шапку и рукавицы. После этого тело положили на оленью шкуру и накрыли одеялом. Сверх одеяла вдоль тела был положен деревянный брусок. Завернув концы постели и одеяла, тело вместе с бруском завязали тонким ремнем, оставив с каждой стороны по три петли. Теперь тело Запаминало хорошо спеленатого ребенка, только головы не было видно, а ноги по щиколотку торчали наружу.

Покойника положили на середину полога, и одна из дочерей умершего поставила на него деревянные блюда с вареным мясом. Все присутствующие стали вокруг, и началась прощальная трапеза. В заключение всем было налито над умершим по чашке чая, а на опустевшее блюдо, оставшееся на прежнем месте, насыпаны сухари.

По окончании чаепития тело ногами вперед вынесли из юрты, поддерживая за петли, прикрепленные с боков. Сзади юрты стояла приготовленная нарта, но тело положили не на нее, а рядом ногами к северу. Все присутствующие сели на снег. Ближе всех сел Тапью, руководящий похоронами. Я было остался стоять, но мне сделали знак, чтобы я сел.

Етуи стал у головы, Кмо - у ног покойника, и оба взялись за торчащие концы бруска. Тагью и Аналько начали задавать покойнику вопросы, и мертвый... „заговорил". После каждого вопроса Етуи и Кмо приподнимали тело за брусок.

По понятиям эскимосов, если покойник дает утвердительный ответ, то легко поднимается, а когда он хочет сказать „нет,"

то становится тяжелым, и два человека с трудом поднимают его от земли. Говорили, что иногда покойник словно прирастает к земле, и его никакими силами не оторвешь.

Иерока спрашивали:

Отчего ты умер? Не зашаманил ли кто-нибудь?

Етуи и Кмо, кажется с великим трудом поднимают покойника - значит „нет".

Ты один пойдешь?

И прежним способом получается утвердительный ответ.

А после тебя никто не умрет?

„Нет", отвечает покойник.

Будет ли у нас мясо?

„Да".

Закапывать ли тебя в землю?

„Нет".

Разве ты куда-нибудь хочешь уйти?

„Да".

Ты наверно пойдешь на землю, где похоронена твоя жена?

И последний ответ Иерока: „Да".

Опрос окончен.

Тело положили на нарту ногами вперед. У изголовья поставили небольшой деревянный ящик с продуктами и снаряжением покойника. Впрягли собак, и процессия тронулась.

С боков нарты шли провожающие и держались за петли, делая вид, что покойника не собаки везут, а они несут на руках.

Дорога шла в гору. Собаки часто останавливались. При каждой остановке люди тяжело произносили: „Эге-ге-ге-геей!" (охо-хо-хо), говоря этим покойнику, что они очень устали, почему и произошла задержка. Потом они, обходя вокруг нарты, терлись о спеленатый труп кто плечом, кто грудью, кто поясницей и стряхивали над ним свою одежду, передавая таким образом покойнику все свои недуги.

Во всей процессии не было ни одной женщины.

Достигнув места, выбранного для погребения, собак отстегнули от нарты, разгребли тонкий слой снега и на очищенное место положили тело.

Тагью ножом перерезал ремни, снял постель и одеяло, разрезал сначала торбаза, потом по очереди: штаны, рукавицы, кухлянку, шапку и все снял с покойника, оставив его совершенно голым.

В то же время остальные перерезали все ремни на нарте, переломали на несколько частей полозья, доски и вардины. Все эти обломки сложили в одну грудку и придавили камнями. Вся одежда, постель, одеяло и ремни, снятые с покойника, были также изрезаны на мелкие куски, сложены в две другие кучки и старательно придавлены камнями.

На мой вопрос: „для чего ломаются вещи и закладываются камнями" - эскимосы ответили:

„Если оставить все целым, то Иерок скоро соберется, возвратится в колонию и уведет еще кого-нибудь. А так, пока он все исправляет да починяет, забудет дорогу и не придет".

Около головы покойника сделали небольшой круг из камней и в него положили нож, чайник, чашку, напильник, точильный брусок, трубку, спички и кисет с табаком. Эти вещи также переломали и всячески постарались привести их в негодное состояние.

Сюда же были положены несколько сухарей, горсть сахара, кусок кирпичного чаю и по куску курительного и жевательного табаку. Оставшийся чай, табак, сахар и сухари поделили между присутствующими.

После этого Тагью роздал всем по небольшому отрезку ремня, бывшего на покойнике. Получившие ремень завязали оба конца его одинарным узлом, пояснив, что это делается для того, чтобы наша жизнь не ушла за Иероком: через узлы она не может уйти.

Теперь меня попросили ехать вперед, так как начиналась особенно важная часть похорон — „закрывание" дороги, чтобы по этой дороге не вернулся покойник и не увел с собой еще кого-нибудь.

Я был со своей упряжкой собак и не мог участвовать в этой части ритуала, в чем и сам убедился, со стороны наблюдая за „закрыванием" дороги.

Эскимосы, обойдя раз вокруг тела, направились к колонии. Впереди шел Тагью. Выйдя на след, где прошла нарта с покойником, эскимосы завернули назад и, сделав петлю, как бы завязав узел, продолжали

Путь. Но скоро сделали новую петлю. Так - на расстоянии полутора километров было завязано пять „узлов".

Вернувшись в колонию и не заходя в юрту, эскимосы вышли на лед. Здесь Тагью, а за ним и все остальные кувыркались и, покатавшись на гладкой поверхности льда, вернулись на берег. Тут эскимосы развели костер и долго встряхивали и выбивали над ним свои одежды. Похороны окончились, и участники разошлись по юртам.

Скрылись в своей юрте и дети Иерока. У них начались траурные дни. Траур продолжается пять суток (тальхлимат кавай — пять спать, как говорят эскимосы). В этот период никому не разрешается ни входить в юрту, ни выходить из нее. В юрте никто в течение пяти суток не раздевается. В дни траура категорически запрещается производить какую бы то ни было работу, а в особенности шить.

Колония за работой

Положение с мясом не улучшалось. Многие болели. Все это привело крайне суеверных эскимосов к мысли, что на острове Врангеля живет очень злой чорт, который не желает, чтобы на его земле жили люди.

„Тugnaк" (чорт, злой дух) — умный, хитрый, изворотливый. Он мешает охоте на зверя и делает плохую погоду, то есть лишает эскимоса единственного источника жизни. Мало того, Тugnaк, как уже было сказано, похищает тень человека, вселяется сам в него, приносит болезнь и, наконец, смерть. Человек бессилён бороться и старается сохранить с ним хорошие, приятельские отношения и всячески ублажить его жертвами. Он угощает Тugnaка самыми ценными продуктами: табаком, сахаром, чаем, жиром, разбрасывая и кроша их по земле.

Врангелевский Тugnaк, по мнению эскимосов, был особенно злым и хитрым. Он был мастером на все руки. Доходило дело до того, что эскимосы не всегда решались в темноте пройти триста метров. На мой вопрос, почему они не боялись ездить на охоту со мной, они отвечали:

— Ты большевик, а большевика и черт боится!

Но я в это время сам лежал больным и не мог выехать с охотниками. Никакие убеждения не помогали. Чорт крепко сидел в сознании эскимосов, и результаты пропаганды могли сказаться только в самом неопределённом будущем. А положение колонии не давало отсрочек. Надо было одним ударом сбить чорта с его позиций!

Помогли медведи.

Оправившись от болезни, я выехал на северную сторону, где, по мнению эскимосов, была штаб-квартира чорта, и на мое счастье убил медведя. Это был удар по чорту. Охотники решили что он уж не так силен, как они думали, и потянулись на охоту.

Снова удача. Снова мясо и шкуры. Эскимосы повеселели. Упадочное настроение окончилось. Положение колонии было спасено.

Подошедшая весна и с каждым днем улучшающаяся охота окончательно оздоровили колонию.

Теперь задача сводилась к тому, чтобы не допустить подобных условий при следующих зимовках. Вступая в зимовку, нужно было совершенно обеспечить колонию мясом. Но это не совсем легко было сделать в наших условиях.

Моржей здесь огромное количество только летом, но зимой их нет. Лето уж слишком коротко. А туманы и штормовые дни ограничивают сезон охоты на моржей одним месяцем. За этот месяц надо заготовить мяса на остальные одиннадцать месяцев.

Беспечность эскимосов, малочисленность охотников и тихходность имевшихся в нашем распоряжении вельботов и байдар очень усложняли заготовку мяса. Поэтому все силы в летний период бросались на моржовую охоту. Сотрудники нашей фактории наравне с охотниками были заняты добычей мяса.

Зато вторую и третью зимовки колония провела вполне благополучно и проделала большую работу. Были собраны коллекции по фауне, флоре, геологии и палеонтологии острова и проведена маршрутная съемка побережья острова.

Эскимосы часто помогали в работе. Правда, побуждения их были не всегда одинаковы. Птиц они приносили, в большинстве случаев имея в виду обещанную плату.

Увидев, что я собираю растения, причем беру их обязательно с цветами, эскимосы решили, что эти цветы будут увезены в Москву, там их посмотрят, срисуют, сделают с такими рисунками ситцы и пришлют на Чукотку и остров Врангеля. Поэтому все, в особенности женщины и девушки, заботливо приносили каждый замеченный цветок и показывали место, где он был найден. Это значительно облегчало работу. Позднее я рассказал им цель сборов, но им работа настолько понравилась, что они продолжали приносить мне цветы, требуя иногда в награду показать, как выглядят засушенные растения в моем гербарии на белом листе бумаги.

Самой трудной была работа по съемке. Она была закончена весной 1928 года после двадцативосьмидневной поездки на собаках в лютые морозы.

Поездка по острову

Середина марта. Ясное утро. Легкий юго-восточный ветерок. Сильный мороз.

Наши сборы недолги. Нарты увязаны накануне. Запрягаем собак — и в путь. Со мной Анакуля, Етуи, Аналько, Нного и жены двух последних — Махшук и Тыманаун.

Цель поездки — пересечь остров и оставить на северной стороне Аналько и Нного с женами. Они будут первыми поселенцами на северном берегу.

У нас три упряжки собак. На каждую собаку приходится около тридцати килограммов груза. Они сильно исхудали за полярную ночь. Все же, несмотря на это, без особого труда тащат нарты.

Но не отъехали мы еще и десяти километров от колонии, как движение начало замедляться. Через час после отъезда ветер перешел на восточный, а еще через полчаса начался встречный норд.

Даль затуманилась. Под ногами закурился снег.

Навстречу текут миниатюрные снежные ручейки. Они заметно растут. Словно пар, все выше и выше поднимается над ними мельчайшая снежная пыль. Налицо все признаки начинающейся метели.

Отсылаю обратно Аналько с женщинами, а с остальными продолжаю путь, решив, если удастся, завезти сначала продукты и снаряжение. Полчаса еще продвигаемся сравнительно легко. Но ручейки снежной пыли все растут, соединяются. Снежная пыль несется уже на высоте метра. Собаки начинают останавливаться. Ветер крепнет с каждой минутой. Скоро начинается настоящий ад. Ветер поднимает снежную пыль до десяти метров и, словно взбесившись, бросает ее. Почти невидимые кристаллики снега бьют с такой силой, что скоро мучительная боль начинает сводить все лицо. Анакулина нарта идет в пятнадцати метрах позади моей, а я различаю только ее силуэт. Третьей нарты совсем не видно. Чтобы не растерять спутников, останавливаюсь, и все три нарты связываю общим ремнем. Вверху просвечивает голубое небо. Может быть метель стихнет? Вперед!

Лицо перестало чувствовать удары снега. На нем сплошная ледяная маска. Чувствую, как легкие наполняются влагой. Дышать трудно. Дыхание парализуется. В изнеможении бросаюсь на нарту. И вдруг... чудо! Еле волочившаяся нарта, словно птица, понеслась вперед. Мелькает мысль: „Собаки подхватили — значит медведь“. Сдергиваю с плеч винчестер. А нарта летит — в ушах резкий свист, голова кружится... Всем телом наваливаюсь на тормоз и... новое чудо! Никакого сопротивления.

Срываю с лица снежную корку и гляжу на собак. Видно только ближайших. Они лежат, свернувшись клубком, и уже наполовину занесены снегом. У нарты замело полозья. Я понял, что собаки давно остановились. Снежная пыль несется навстречу сплошной массой и создает полную иллюзию бешеной гонки. Анакулины собаки также спокойно лежат за моей нартой, а ездук, как и я, не замечает остановки...

Он сидит на нарте спиной к ветру и громко выкрикивает обычное понукание: „Эк, эк!“ Бегу к третьей нарте та же картина. Етуи и Нюко также спокойно подставляют спины под ветер и покрикивают на собак. Даже в их позах сказывается твердая уверенность в движении нарт.

Мой смех выводит их из заблуждения. Иду к своим собакам. На их мордах ледяная корка в палец толщиной. Снимаю с них маски. Бедняги взвизгивают, лизут руки, прыгают мне на грудь и снова, свернувшись клубком, ложатся на снег.

Делаю еще одну попытку двинуться вперед, но уже через сотню метров собаки опять тычутся мордами в снег, тщетно желая избавиться от новой ледяной коркой. Они перестают слушать команду и бросаются из стороны в сторону, пытаясь спрятаться от снежного вихря.

Наконец вся упряжка как по команде поворачивает назад и, чуть не перевернув нарту, мчится по ветру. Все усилия повернуть бесполезны. Надо возвращаться. Сбрасываем груз и на пустых нартах мчимся вместе с ветром. А он ревет, опьяненный победой, и гонит нам вслед тучи снежной пыли.

Досаднее всего то, что это происходит при ясном лазурном небе. Ни одной тучки, ни одного намека на облачко. Бездонный нежно голубой купол и яркое солнце. Это вверху. А внизу на высоте десяти метров над землей свист ветра, сплошная масса несущегося снега...

Через полтора часа подъезжаем к колонии... Ясное небо, еле заметный северозападный ветерок и... никакой метели!

На следующий день я опять собираю зскимосов и отправляюсь в путь. Чтобы облегчить нагрузку, снаряжаю еще одну нарту. Тихо. Мороз еще сильнее вчерашнего. Почти все время бежим рядом с нартами. Женщины не могут долго бежать, больше сидят, сжавшись, на нартах и изрядно мерзнут.

До четырех часов двигаемся без приключений. Только изредка останавливаемся, чтобы дать передохнуть собакам и покрыть льдом полозья нарт.

Для последней операции у каждого из нас за пазухой бутылка с водой и на санях небольшой кусок медвежьей шкуры или, как ее называем - „войда“. Мы выливаем на войду воду и быстро проводим ею по полозу. Тоненькая блестящая корочка льда крепко пристает к нему.

Трудность этой операции заключается в том, что работу надо произвести на сильном морозе голыми руками, а искусство в том, чтобы наложить лед на полоз ровным и тонким слоем. Если операция произведена умело, нарта скользит необычайно легко. Поэтому стоит рискнуть вынуть руки из теплых рукавиц.

В четыре часа ставим палатку и закусываем. Едим сырое мерзлое моржовое мясо с кусочками сала, сухари, чай с консервированным молоком. Молоко тоже мерзлое и твердое, как камень. Мы топором разрубам банку пополам и одну половину вместе с жестью бр9саем в чайник, а другую засовываем в мешок—не расплещется!

Намерзшиеся эскимоски вплотную прижались к шумящему примусу и жадно глотают кипяток. Я голыми руками держу горячую железную кружку и чувствую, как теплота из рук разливается по всему телу. Милая кружка! Какое счастье держать тебя в руках и чувствовать твою теплоту!

Однако пора трогаться. Палатка начинает колебаться. Потянул западный ветерок. Опять появляются снежные ручейки. Умудренный вчерашним опытом, я залпом проглатываю кипяток, бросаю кружку в мешок и тороплю остальных.

В путь! Пока не разыгралась метель, нам надо добраться до Медвежьего перевала. Путь к нему лежит как раз между южным и северным горными хребтами. Перевал от нас в двух часах пути.

Ветер усиливается. Ручейки расширились, поднялись и заняли весь проход между хребтами. Долина преобразилась. На западе за горизонт опускается огромный красный шар солнца. Вернее не шар, а сфероид—кто-то взял и сплюснул солнце. Весь запад горит. Загорается снег, загораются снежные ручьи и пыль над ними.словно вся долина оказалась залитой расплавленным металлом, бурно стекающим по склону. От потока подымается яркокрасный пар. А на горизонте густофиолетовой массой высится пик Берри и окружающие его вершины.

Огромный „пожар“ снежных полей приковывает взгляд. Он одновременно и восхищает и давит мощностью. Эскимосы, обычно равнодушные к красоте природы, сейчас не отрывают взгляда от курящихся красных потоков. Етуи возбужденно кричит:

— Пинепихток! (Очень хорошо!)

Но пожар не греет. Он жутко холоден. Холодный ветер чувствуется сквозь двойную меховую одежду. Мех малахая вокруг лица от дыхания и снежной пыли превратился в ледяное кольцо. Руки и лицо потеряли чувствительность. Горло болит от постоянного понукания собак. Вместо крика у нас вырывается хрип.

Уже стемнело, когда мы въехали на перевал и сделали остановку на ночлег. Здесь ветер, менее чувствителен, но мороз тот же. Собаки зябнут и жалобно повизгивают. Снег так тверд, что все их старания сделать себе ямку ни к чему не приводят. Вынимаем ножи и подходим к беднякам. Они уже знают, что мы собираемся делать, и словно по команде умолкают. Вырезаем куски крепкого снега и утаптываем образовавшиеся ямки. Собаки свертываются калачиком, ложатся в вырытые ямы и старательно прикрывают свои лапы и носы пушистыми хвостами. Теперь им будет тепло.

Для себя мы раскидываем палатку. Снежный пол ее устилаем оленьими шкурами и на них ложимся в спальнях мешках. Усталость берет свое, и мы скоро засыпаем.

Ночью я просыпаюсь от страшной боли в ногах. Они замерзают. Сегодня не спасает и теплый спальня мешок. За палаткой слышны быстрые шаги. Это греется Етуи. Он вылез из мешка и бегае вокруг палатки. Но он примостился в углу и старается разжечь примус.

Женщины тоже не спят. Я бросаю мешок, набиваю чайник снегом и подаю Нюко. Надо заработать кружку спасительного кипятку.

Скучали ли вы?

Теперь мне часто задают этот вопрос. Обычно я на него отвечаю:

Да, скучаю. Скучаю по острову, по моим спутникам-эскимосам, но моей упряжке собак, по метелям.

В этом году мы, видя состояние льдов, не ждали парохода и готовились к четвертой зимовке. „Литке“, буквально продравшись сквозь стену льдов, разбил наши планы. Как забились наши сердца, когда мы увидели ледорез! Ведь это был первый пароход за три года.

В 1927 г. два аэроплана доставили на! годовой комплект „Правды“ и несколько писем, и после этого в течение двух лет мы не видели ни одного человека вплоть до прилета гидроплана перед приходом „Лит ке“. Несколько десятков человек, стоявших на борту корабля, показались нам огромной толпой. Непонятные, новые для нас слова, целые фразы и незнакомые имена наполняли речи прибывших товарищей: пятилетка, соцсоревнование, самокритика, коллективизация, Нобиле, Чухновский и т. д.

Самым понятным местом в газете была четвертая страница — объявления. Все это интриговало, манило. Хотелось скорее попасть на материк, окунуться в шум городов, услышать новые лозунги революции, уловить новые темпы жизни, скорее оставить остров.

Но вот наступил день отъезда. Прогудел гудок. Надо прощаться. До боли сжимаются руки. Еще больнее на сердце. Три года борьбы рука об руку. Три года морозов, метелей и льдов! Общие неудачи и радости сроднили, спаяли нас в одну семью...

„Литке* дал ход, Скрывается в тумане наш домик. Бледнеют очертания берега. Мы уходим от острова. Не раз за три года у каждого из нас срывались проклятия по его адресу. А теперь мы почувствовали, как крепко сжились с ним, с его суровой природой, с его метелями.

Скучали ли мы?

